

18+

НАШИМ ЛЮБИМЫМ
ТИНЕЙДЖЕРАМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Наталья
Трубникова*

Наталья Трубникова
Моим любимым
тинейджерам посвящается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63521816

ISBN 9785005159571

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Любите ли вы подростков так, как люблю их я? А, может, вы сами сейчас находитесь в столь замечательном возрасте? С взрывным характером, с непониманием и неприятием окружающих и с чувством, что только вы знаете, как жить в современном обществе? В данном сборнике собраны рассказы для Вас и о Вас.

Содержание

Дружба	5
Надежда	12
Без права на будущее	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Моим любимым
тинеjdжерам посвящается**

Наталья Трубникова

© Наталья Трубникова, 2025

ISBN 978-5-0051-5957-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дружба

Еще раз о дружбе.

Все из нас слышали обыденное на первый взгляд, общеизвестное для всех слово дружба. Некоторые из нас, пошевелив извилинами, могут даже дать точное определение и оценку дружбе, а любители кинолент сходу приведут в пример дружественных отношений, например, между Дартаньяном и мушкетёрами, Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном, Петровым и Васечкиным.

Впрочем, нет – для любимых моих тинейджеров понятнее будет привести в пример Фродо и Сэма из «Властелина колец», Гермиону и Гарри из одноименного бестселлера или знаменитую мужскую четвёрку из серии кинокартин «О чём говорят мужчины». Так или иначе, для каждого из нас дружба – это что-то жизненное, тёплое, крепкое, и в то же время понятие индивидуальное.

Дружба не бывает фальшивой, как стекло вместо жемчуга. Она либо есть, либо её нет. Нельзя выпросить, купить или обменять дружбу. Всевышний послал её на землю, чтобы мы не «съели» друг друга раньше времени из-за жадности, корысти и злобы.

С друзьями должно быть легко на душе, даже если вы очень разные. Они всегда поддержат в трудную минуту, даже когда сами страдают. Настоящие друзья искренне радуются

твоим успехам без зависти.

Но испытать это чувство дано не всем. Только самые достойные и сильные люди могут сохранить дружбу на годы, жертвуя собой и искренне радуясь за другого.

А те, кого судьба обделила дружбой из-за их мелочности, самовлюбленности, всячески пытаются разрушить дружбу там, где она поселилась. И не потому, что им очень нужно. Нет. Просто не хочется, чтобы у других было. Но дружба не сразу становится крепкой, на полном доверии, понимании и любви. Надо пройти огонь, воду и медные трубы. И только тогда, преодолев их совместно, на финише нас может поджидать та самая дружба, о которой снимаются кинофильмы и слагаются лирические стихи.

Вот простой пример из школьной жизни. Здесь не будет высокопарных слов, жертвоприношений и советов, которые так не любят подростки. Все они остались строками выше. Обычный эпизод, который и вам, возможно, что-нибудь (или кого-нибудь) напомнит. Роль одного героя я возьму на себя. А события будут происходить лет эдак... 35 назад. Не думайте, что у меня дружба с самого начала была «настоящей»

Училась я тогда в 8 классе. Среди тридцати человек и для меня нашлась родственная душа. Сидели за одной партой, подсказывали друг другу «домашку», если вчера не было времени выучить урок, делились не только секретами, а бывало и одной булочкой из столовой на двоих. Организм – то растущий, вечно хотелось чего-нибудь да пожевать.

Звали мою подругу Людмила. И так хорошо всё у нас складывалось, что многие завидовали. Смотрите, мол, какая у них дружба. Поссорить пытались, вторгнуться, как говориться третьим лишним, сплетни разводили... Но однажды мы сами чуть было не разрушили крепкую стену наших отношений.

Во время учебы в школе мы с удовольствием посещали волейбольную секцию. Знаете, уж очень любили мы эту игру. И себя в форме держали, и удовольствие при отбивании мяча получали.

Вот однажды тренер нам сообщает, что через месяц состоятся соревнования между школами по волейболу и надо усиленно тренироваться. Мы все, конечно, обрадовались. Запрыгали от такой новости сами, как мячики. Но тренер добавил, что в команду требуется всего шесть человек и один на замену. А нас в секции девять! То бишь, остальным двум девочкам выпадает роль болельщиц. Тут все сразу опустили глаза, чтобы ненароком не встретиться с оценивающим взглядом тренера.

– Как я предполагаю, добровольцев на скамью болельщиков нет? – спросил тренер Олег Владимирович. – Ладно, берите мяч. Пять минут на разминку и будем играть!

Так мы тренировались три недели подряд, отдавая все силы и свободное время. И у нас очень даже неплохо получалось. Можно сказать, замечательно! Все мы на время забыли, что кому-то не участвовать в соревнованиях. Пока после

очередной тренировки Олег Владимирович не собрал нас возле себя.

– Дорогие мои девочки, способности у вас практически одинаковые, поэтому сам я не решаюсь сделать выбор. Чтобы никому не было обидно, пусть все решит жребий.

Тренер принес нижнюю часть глобуса, который зачем-то стоял в его кабинете и насыпал в нее свернутые бумажки.

– Кто вытягивает билетик с крестиком – играет, кто чистый – болеет на скамье.

Что тут началось! Когда кто-то из девочек опускал руку в часть глобуса, у остальных – замирало сердце и перехватывало дыхание. А в висках стучали слова: «Только бы чистую вытянула». Но почему-то всем доставались помеченные билетики, и сделавшие выбор девочки, шутили, что тренер забыл положить чистые листочки.

Нас осталось трое. Я, Люда и Ксюха – невысокого роста девчонка с оттопыренными ушами. Она всегда распускала волосы, чтобы скрыть этот недостаток.

Я посмотрела на три точки, белеющие на дне глобуса и подумала: «Ну уж мне точно достанется „метка“. Из нас троих, честно говоря, я играю всё-таки лучше. И на соревновании именно я смогу защитить честь школы и показать все свои способности. А уж потом нас пригласят на межгородские, областные соревнования...» От собственных мыслей у меня закружилась голова и я закрыла глаза.

Когда я их открыла, Людмила, опережая Ксюху, опусти-

ла руку в половинку глобуса. Её, конечно, понять можно – с каждой вытащенной бумажкой, шансы попасть в команду, уменьшались. А ей не меньше всех остальных девочек хотелось играть!

Все застыли в ожидании. Мне казалось я сейчас упаду в обморок. Я смотрела на Людмилу, и с левой стороны у меня в висках стучало «пусто-пусто-пусто», а с правой стороны отстукивало «пусть с крестиком, она же твоя подруга». Но когда Люда раскрыла листок, он оказался чистым. «Yes, yes, yes», – неожиданно вспомнив английский, радостно прокричала я про себя. Теперь 50 на 50, но уверена – удача будет на моей стороне. Конечно, было бы хорошо, окажись мы в команде вдвоем с Людмилой. Но и без неё я смогу показать мастерство.

Люда попыталась изобразить на лице улыбку, но получилось как-то неубедительно и даже некрасиво. Было видно, что её переполняют обида. Наверняка она тоже была уверена, что играет лучше!

– *Знаешь, — шепнула она, проходя мимо, — если бы мне досталась бумажка с крестиком, а тебе – чистая, я отказалась от участия в соревнованиях. Мы же друзья!*

«Ага, – опять-таки про себя подумала я, – поэтому ты и поспешила засунуть руку быстрее меня и Ксюхи»

И пока та самая Ксюха отвлеклась на выпрямление прядей волос, от волнения открывших её лопухость, я быстро опустила руку, чтобы сделать свой выбор. Всё, нервы на пре-

деле были и у меня.

Раскрываю – пусто. Я и так вертела бумажку и эдак. Чисто со всех сторон! Раздался громкий радостный крик Ксюхи, которой уже не надо было тянуть последний свёрток. Она присоединилась к счастливой команде, и они, обнявшись, запрыгали по кругу.

Я присела на скамейку рядом с Людой. Тренер похлопал нас по плечам и сказал, что против судьбы не попрёшь и даже неплохо, что мы вылетели вдвоём. Никому из нас, таких закадычных подруг, не обидно. А нам было обидно, даже очень-очень.

– Тоже мне достижение – соревноваться с другой школой, – произнесла я, – Засмеют их, да и только. Еще и играть в чужом спортзале. В другую школу никто из наших болеть не пойдет...

– Не очень- то и хотелось, – поддержала меня Людмила. – Будут прыгать возле сетки после уроков из последних сил. А мы с тобой лучшие сходим на речку. И поплаваем и сосиски пожарим на палочках.

– Согласна, нам будет интересней, чем им. Знаешь... А я без тебя бы тоже не стала играть, – зачем-то соврала я.

Мы улыбнулись друг другу, взяли за руки и вышли из спортзала.

Как хорошо, что судьба не позволила нам поссориться из-за такого пустяка. Конечно, мы были немножко нечестны, но эта маленькая ложь оказалась во спасение нашей большой

дружбы. И в последующие годы мы больше никогда не обманывали друг друга, научились радоваться приятельским победам и достойно проходили испытания судьбы, которая и вознаградила нас великим счастьем: узнать, что такое настоящая дружба!

А команда наша всё-таки проиграла другой школе.

.

Надежда

Он прижал её к себе, заглянул в глаза, провел рукой по длинным светлым прядям, наклонился к уху – его губы зашевелились. Она подняла голову, на задумчивом лице, мелькнула улыбка...

Мимо проходили люди: одни подчеркнуто старались не обращать внимание на целующуюся пару, другие косились, третьи недовольно ворчали.

«Пусть, пусть будет так! Только бы с ним ничего не случилось, только бы он вернулся...», комкая в руках полосатый вязанный шарфик, думала Надежда. Огромное дерево уже целый час закрывало собой плачущее создание. Оставаясь безмолвным свидетелем столь интимной сцены, Надя совсем не чувствовала стыда. Любовь, вытеснив из её сердца все остальные чувства, оставила лишь боль. А теперь притупилась и она, уступив место тревоге. *«С кем бы ты ни был, кого бы не любил, главное, чтобы ты был счастлив... И, пожалуйста, вернись живым и здоровым»*, – горячие слова, сталкиваясь с морозным воздухом, превращались в пар и поднимались к небу легким безгрешным облачком.

На проводы Надю не пригласили. Не пригласили потому, что прошедшие три года любила одна Надежда. Захар только изредка улыбался хорошенькой соседке.

Надя влюбилась неожиданно. Как-то, не дождавшись лифта, она вприпрыжку мчалась по лестнице и, сделав заключительный прыжок через четыре ступеньки, приземлилась на... поднимающегося паренька. Ещё никогда девушки так откровенно не сваливались на голову Захару и, поднимая с пола учебники, он невольно рассмеялся. А Надя уже бежала дальше, унося в душе тяжелый груз неловкости, а в памяти – изумленный взгляд серых глаз. С этой минуты Надя точно знала, что ни один мужчина не способен так взволновать её сердце.

Сначала она любила втайне. Но разраставшееся чувство искало выхода. Оно светилось в карих глазах, проглядывалось в улыбке, отражалось в пурпуре щек... И, наконец, вылилось в нежные девичьи стихи. Теперь удивленные взгляды сопровождали Надю всюду: недоумевающая, учительница литературы выводила в журнале одну пятерку за другой; удивленные родители разводили руками, откуда, дескать, в семье такое талантливое чудо; беспечные подруги переписывали в дневники самые лиричные Надины творения. Даже известный толстый журнал напечатал несколько стихотворений молодой поэтессы. Но Захар оставался слеп и глух.

Встречаясь с ним глазами, Надя думала, но почему... Почему девушки должны молчать о чувствах, отдавая дело великой важности в руки неуверенных мужчин? Разве сказать «люблю» – это унижение? И она написала. Надя писала о весне, которая закружила в оживляющем вихре и дере-

вья, и травинки, и людей, дотрагиваясь зеленой волшебной палочкой до каждого живого существа.

Захар ничего не ответил. Но Надя уже не могла остановиться. Она писала о любви, о жизни и смерти, о вере и правде, о дружбе и предательстве. Её перо окрепло, набрало силу – появился смысл в призрачном бытии.

Веронику она знала и раньше. Но, только увидев их вдвоём с Захаром, смогла осознать ее реальное существование. Потому, что жизнью был сам Захар и всё, что непосредственно его касалось. А Вероника касалась, ох как касалась. Да и он тоже ее касался. И, судя по их лицам, это взаимное касание было приятным.

Надежда сделала над собой усилие, сжала в кулачок трепещущее сердце и постаралась не думать о Захаре. Ей удалось. Она смогла не думать о нём целый час, пока оправдывалась перед разгневанными соседями, которых абсолютно не интересовал пожар в Надиной душе, зато очень интересовал потоп, оставивший отвратительный грязно-желтый след на недавно побеленном потолке кухни.

Надя перестала писать Захару. А толстый журнал опубликовал еще три стихотворения, теперь – о безответной любви.

И вот теперь Он, неловко придерживая рюкзак, обнимал Веронику, а она гладила длинными тонкими пальцами его бритую голову. Чуть поодаль стояли друзья и родственники. А Надя, спрятавшись от всего мира за гостеприимным стволом дерева, видела только Его – родного и чужого, близкого

и далёкого, любимого и нелюбящего её.

Любовь – странное человеческое чувство, которое может не требовать ответа, которое может годами жить в одном сердце, в одной душе, которое скрашивает одиночество уже самим фактом своего существования. Которое придает силы и заставляет жить, и которое, конечно же, выше всех соперников, потому что, где живёт любовь, там всегда обитает надежда.

«Я буду ждать и любить тебя. Моя любовь, как яркая звёздочка, станет освещать твой путь. Пока я жива, никакие невзгоды и беды не заставят склонить твою милую бритую голову...»

Прошло время. Улыбчивое солнышко, поборовшись пару недель с угрюмыми почерневшими сугробами, полностью освободило влажную землю от ледяных оков. Кое-где уже начинала поднимать бедовую зеленую голову трава, от важности предстоящего события набухли почки, повеселели, играя отражениями, лужи. Надежда ничего не знала. Ее жизнь замерла на осенней отметке. У них с Захаром не было общих интересов, общих друзей и знакомых, которым можно было задать вопрос. Вот только Вероника.

А мир оживал. Вместе с шёпотом лопающихся почек, загрохотали пушки, яркую зелень новорожденной листвы затмили вспышки разрывающихся снарядов. Всё чаще и чаще информационные передачи показывали израненных де-

тей, плачущих стариков, суровые опалённые войной мальчишеские лица солдат. Как магнитом Надежду тянуло к телевизору. Не пропуская ни одного кадра, ни одного слова, она молча глядела в мелькающий экран, стараясь унять разбушевавшееся сердце. *«Да что со мной, – успокаивала она себя, – я ведь даже не знаю, там ли Он».* Но частые глухие удары, переходящие в лихорадочную дрожь, говорили обратное.

Вероника подошла сама. Стараясь спрятать за длинными ресницами лучистые счастливые глаза, она протянула конверт.

– Будь другом, передай Светлане Николаевне. Захар теперь отправляет письма в одном конверте. Тебе ведь нетрудно, вы же соседи.

Надя изумленно посмотрела на нее.

– А почему ты не можешь?

– Да неудобно как-то, сама понимаешь...

Вероника откинула с лица мешавшуюся светлую прядь и порхнула в стоящую неподалёку машину. Надя видела, как водитель привлёк к себе золотоволосую красавицу, а она раскованно подставила губы для поцелуя. Заворчал мотор, и дорога скрыла от Надиных глаз зыбкое счастье Захара.

А в самое сердце горячей земли полетели письма.

«Я люблю тебя! Да сбережёт тебя любовь моя... Вероника»

«Слышишь? Это стучит моё сердце, оно отсчитывает

секунды. Тук-тук, тук-тук, с каждой секундой ближе наша встреча... Вероника»

«Любимый, единственный! Не верь, когда говорят, разлука убивает чувства. Не бывает разлуки у любящих сердец. Это просто другая форма жизни – ожидание. Как зима. Но знай, родной мой, после зимы всегда наступает время весны... Вероника»

Надя возвращалась из магазина.

– Вы слышали, у Светланы из 17 квартиры сын без вести пропал?

– Это такой, высокий, красивый... Васильченко?

– Господи, ему и двадцати то нет...

Подъездная дверь медленно закрывалась, пряча за собой двух ахающих женщин. Надя опустилась на кафельный пол: звякнули банки в пакете, на каком-то этаже вызвали лифт, где-то хлопнула дверь, залаяла собака.

Про-пал-без-вес-ти... Про-пал-без-вес-ти... Про-пал-без-вес-ти...

«Нет! Это не Он. Почему я сижу здесь и плачу? Кто дал мне право плакать по живому человеку? Без вести – это не убит!» Подхватив пакет, Надя взлетела на четвертый этаж. Дверь семнадцатой квартиры была приоткрыта. Осторожно, стараясь не шуметь, Надя вошла в комнату. У окна сидела женщина. Вряд ли она слышала посторонние шаги – её мир вместился в старенькую школьную фотографию сы-

на. Она гладила его волосы, лицо, нашептывая что-то.

– *Светлана Николаевна*, – Наде пришлось тронуть женщину за плечо. Та, словно очнувшись ото сна, подняла голову. – *Нельзя, понимаете, нельзя! Кто вам сказал, что Его нет?! Может быть всякое – ранен, в плену, да мало ли что! Перепутали! Ошиблись! Перестаньте плакать, слышите?! Он жив.*

За окном множились огоньки вечернего города, зажглись фонари... В темной комнате семнадцатой квартиры сидели, обнявшись, две женщины.

– *Откуда у тебя такая уверенность?* – тихо спросил женский голос.

– *Знаю*, – отозвался девичий и, чуть помедлив, добавил, – *чувствую!*

Ночь устала бороться, отступила и сдалась. То там, то здесь, испарывая беззащитную весеннюю землю гигантским огненным ножом, взрывались снаряды, превращая темную южную ночь в яркий день. На полуразрушенном блокпосту чудом уцелели семеро человек. Кажется, про них забыли все – свои и чужие. Стремительный прорыв неприятеля смял наступающие части. И только хорошо укрепленный, оснащенный техникой пост на просёлочной дороге, выдержав яростный шквал гранатомётов и пушек, оказался неприступным. Противник после нескольких безуспешных попыток взять злосчастный пост штурмом, отступил, оставив семерых парней умирать от ран и голода. Помощи им ждать

неоткуда. Аппарат связи был уничтожен.

– Я не могу понять. Какого хрена ты улыбаешься? Подходим здесь к чёрту все! Судя по канонаде, наши отступили километров на двадцать. И погаси фонарь, нечего сажать батарейки, других тебе не подвезут.

Прислонившись спиной к холодному бетону, неловко вытянув раненую ногу, в слабом свете угасающего походного фонаря Захар читал, и лицо его озаряла улыбка.

– Эй, слышь, не наезжай на него, – сиплый голос сорвался и перешел на кашель, – Кх-х. Зема, будь другом, почитай вслух.

– Не читают это вслух, Женька. Да, ладно, мы теперь все как братья.

На дворе настала осень
И в душе моей дожди.
По тебе скучаю очень,
Только ты сказал мне: «Жди»
Утром жди, когда туманы
Над землей клубятся низко.
И когда кругом обманы
Не бери их к сердцу близко....
...Дни проходят, льют дожди,
Холод, сырость, непогода.
Греют лишь слова твои —
Обещал вернуться скоро»

Ребята молчали...

– Эх, где ты только такую нашел?

– Вот что, Захар, – в наступившей тишине голос сержанта звучал непривычно отчетливо, – Ради неё ты обязан выбраться отсюда. Такие девчонки встречаются раз в жизни и то не у всех. Глупо будет сгнить в этой дыре. Так что, братва, нам тут погибаться никак нельзя. Выше нос, авось прорвёмся!

За окном мелькали заснеженные тоскливые пейзажи. Мерный стук колёс баюкал купе, и только молодой военный, лёжа на нижней полке, внимательно смотрел на проплывающие мимо просторы. Прошёл всего лишь год, превративший двенадцать месяцев в судьбу. Захар протянул руку и достал журнал. Как же отвык он от обычной жизни, если простое чтение стало так утомлять его. Или сказывается контузия, или перевелись таланты...

*«...Греют лишь слова твои
Обещал вернуться скоро...»*

Стоп! Захар мотнул головой и резко сел. Нет! Именно эти строки спасли ему и его товарищам жизнь. Но почему поэтическая страничка подписана Надеждой Романовой? Это ведь Вероника писала письма, от которых становилось теп-

ло на душе, это её строки переписывал весь взвод, это она вселяла надежду в отчаявшиеся сердца. Она, Вероника! Захар перевернул страницу. Маленькая заметка и фотография. Вглядываясь в черточки нежного лица, парню показалось, что где-то он видел эту девушку. Надежда, Надежда... Ну, да! Маленькая соседка выше этажом, присылавшая ему когда-то любовные послания. А он-то думал, что это просто детская влюблённость.

Светлана Николаевна отвернулась.

– Нам не о чем говорить, Вероника. Ты была вольна ждать, была вольна и не ждать. Никто тебя не винит, никто не осуждает. Но правду я скрывать не буду.

– Как же вы не понимаете. Захар любит меня. Даже когда я перестал писать, его письма были полны нежности и страсти. Я знаю, ошиблась. Но Захару зачем знать? Он вернётся, и мы будем счастливы.

– Светлана Николаевна, – медленно, взвешивая каждое слово, произнесла молчавшая до сих пор Надежда, *– Я думаю, Вероника права. Главное, что Захар жив, и он должен быть счастлив. Правда причинит ему только лишнюю боль.*

– Доброта твоя, девочка, не к добру, – вздохнула Светлана Николаевна.

– К добру, мама, – раздался знакомый голос, *– Как же жить на свете без добра и надежды?*

Надя подняла голову. Лучистые серые глаза были напол-

нены так давно ожидаемой ответной любовью.

Без права на будущее

1998

В комнате тихо играл магнитофон. На пуфе около трюмо сидела юная девушка и аккуратно наносила на губы нежно-розовый блеск. Дверь приоткрылась, и вошла женщина, лет сорока пяти, но явно следящая за собой. На тонкой талии, как влитой, сидел короткий домашний сарафан, на руках блестел недавно сделанный в салоне маникюр, а волосы уложены в модную причёску.

– Куда-то собираешься, Алевтина?

– Да. Выйду, прогуляюсь. На улице хорошая погода. Скоро начнётся зима, а я очень не люблю морозы. Поэтому воспользуюсь последним осенним теплом, – ответила девушка, проверяя содержимое небольшой сумочки.

– Надеюсь у тебя не свидание с этим голодранцем? Ты же знаешь, мы с папой категорически против ваших отношений...

– Мам! — повысила голос Аля. *– Его зовут Слава. И он не такой, каким вы себе представляете. Несмотря на то, что Славу воспитывал только отец, он замечательный человек. И добрый, и заботливый, и интересный.*

– Да уж, его воспитывал отец-алкоголик, а вырос «хороший человек», – с сарказмом заметила женщина. *– Поверь на-*

шему с папой опыту, никакого будущего у этого парня нет. И тем более – с тобой. Займись, пожалуйста, предстоящими экзаменами в колледже.

– Я ими занимаюсь днём. А сейчас хочу выйти на улицу. И, между прочим, Слава собирается поступать в институт заочно и уже прошел собеседование!

– Ой, всё, не могу больше этого слышать. Я уверена, что ты умная девочка и поступишь как надо. Иди, только не задерживайся, – выходя из комнаты, произнесла мать.

«Как надо кому? — спросила сама себя Аля, – Мне или вам?». Алевтина посмотрела на своё отражение в зеркале. Еще минуту назад её глаза сверкали от предвкушения желанной встречи с любимым человеком, а сейчас их окутала дымка горечи. Ну почему никто из родителей не может поддержать её чувств? Почему все вокруг твердят, что они со Славой не пара? Неужели разница в материальном обеспечении их семей так уж существенна? Неужели, если ребенка воспитывает один из родителей, с него не может вырасти хороший человек? Нет, может. И она как никто другой знает Вячеслава и готова поручиться за него перед всеми!

На улице было тихо. Последние лучи уходящего за высотки солнца кровавили небо. Деревья стояли вдоль тротуара оголёнными, а земля под ними ещё пестрела разными красками осыпавшихся листьев. Аля не спеша шла по городской улице, загребая ботинками шуршащую листву.

– Привет, зайчонок! — послышалось позади и в ту же се-

кунду сердце застучало в несколько раз сильнее.

Аля повернулась и, увидев Славу, обняла его за шею.

– Привет. Ты не дождался меня в условленном месте?

– Скажем, я просто хотел поскорее встретиться с тобой, вот и направился навстречу, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.